

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДОНОР

авторская серия

Марины Палей

Марина Палей

Журемный перестук

боль в пяти частях

гражданская лирика

2014 — 2018 гг.

ЭКСКЛЮЗИВ
2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(4 УКР=РОС)-5
П14

Идея в оформлении обложки: Марина Палей
(«Раб», античный барельеф, Древний Рим).

Палей М. А.

П14 Тюремный перестук. — Поэзия. Гражданская лирика.
Харьков: Эксклюзив, 2019 — 176 с.

ISBN 978-617-7204-87-8

© Палей М. А., стихотворения, 2019

ОТКРЫТКА В КОРДОВУ (POSTAL A CÓRDOBA)

Ты вряд ли получишь эту открытку,
ведь я точно не знаю, где ты живёшь.
Кроме того, мои ошибки в испанском исключают
возможность твоего понимания.
И всё же я шлю тебе слова, причём на кириллице,
что заведомо равна для тебя
значкам египетских пирамид.
Сейчас день постепенно выключает все звуки.
Пыль от последних машин делает красным клинок луча,
пересекающего пустоту комнаты.
А ты думаешь, только в Кордове
так пламенеет пыль на закате?
Пожалуйста, отпусти моё сердце.
Пожалуйста, не отпускай.

Я покажу тебе в видеоклипе страну,
где меня давно нет,
а потому смотри — летят полустанки —
Тотьма — Княжево — Красный Луг — Семёновка —
Никольшино — Броды —
и везде на этом пути бабы прижимают к животам
чугунки с варёной картошкой,
пацаны продают семечки, дерутся инвалиды,
грохочут встречные поезда,
мелькают свалки, овраги, собачьи свадьбы,
трактора ржавеют посреди цветущих лугов,
плывут себе за окном Большие Опочивалы, —
ох как силён там запах бани, навоза,
какой-то кислотной химии,
горячей хвои июльского леса!

Там дети в больницах дохнут, как мухи,
там школьницы нетвёрды в подсчёте своих абортот,
там очень много стреляют — от водки, тоски, от страха,
а чаще — ни от чего.

С бычачьим мясом бывали там перебои,
зато человеческого — сроду навалом,
хотя самцы там отравлены водкой,
а краткость жизни трактуется как отрада,
но у меня было там детство с сияющей перспективой мечты,
и пьяный сказал мне там: «Радости вам, барышня!»
Где ещё я услышу такое?
понимаешь, о чём я? понимаешь ты? понимаешь?

Мне не верится,
что и впрямь есть река Гвадалквивир.
Легче представить: плывёшь по Свири,
чьи берега утопают в цветах...
Гладь зеркал гипнотизирует. Кажется,
сейчас úзришь под водами тот придонный сказочный град...
И вдруг, за поворотом, действительно видишь:
тысячи мёртвых
выстроились в затылок
на дне,
по всей длине Беломоро-Балтийского канала...
Вот он, град Китеж, в стране моего детства!
А на поверхности, на бережках-лужках —
резвятся телята...

Там у быков
такая же красная кровь, как в Испании,
когда им, живым, вспарывают ножом аорту,
и кровь быстро входит в сухую землю.
А ты думаешь, только в Кордове
земля так яростно иссыхает без крови?
Пожалуйста, отпусти моё сердце. Пожалуйста, не отпускай.

Гражданские
ГРАЖДАНСКИЕ
сумерки
СУМЕРКИ

я думала — ну вот, анорексия:
всё, что ни съем, — идёт наоборот
я думала, то хворь, а то — Россия
с колен на голову встаёт

она встаёт, как смерть, неотвратно...
и в небе оттого не зришь ни зги,
что, вдрызг разбив небесные светила,
там маршируют — сапоги

ГОРОД М.

в этом городе есть гробница, харчевня, монетный двор
на монетах цезарь изображён в анфас и в профиль
в этом городе, чуть завидят живое, — стреляют в упор
женщины там рожают картофель

в этом городе — тонны и тонны, и тонны монет,
гигантские лужи протухшей сахарной ваты
только кладбища в этом городе, кажется, нет
мёртвецы там кудрявы и витиеваты

ЦЕЗАРЬ

Цезарь затравлен. Ночью, у окна,
стоит один — в кирзе на босу ногу,
поскольку в шлёпках — не с руки тикать.
Ну, Площадь Главная, туда-сюда, видна.
Она видна — ну вот и слава богу.
Точнее, в бога душу мать.

Нет, лучше валенки, разношенные вдрызг.
Они теплей — и след от них размытый.
Фигос под нос охране — он сбежит.
Он Павла Бедного предсмертный слышит визг,
а также хрип — надсадный, ледовитый...
Клепсидры иссякают. Он дрожит.

Как холодно! Проклятый, гнусный ЖЭК!
Ведь Цезарь же велел им там в поленья
все лобные места к морозам порубать!
Но низок местный зверочеловек —
он будет до конца стихотворенья
кропать иль слушать, прочее — ипать.

По форту, наверху, сверкают глазки крыс...
Цезарь устал. Какое там — «не спится»!
Он маленький, он хочет на горшок.
Как манит влезть заснеженный карниз...
Ни застрелиться и уже не спиться...
Охота жить, а до петли — вершок.

Нет, он решится. Всё-таки решится.
Невысоко — а там рассудит чёрт.
И дребезжит, весь в хрусталях, карниз...
И занята сама собой столица...
Уж новому царю готовится эскорт!
А всё медлит сделать шаг — и вниз.

ГААГСКИЙ ТРИБУНАЛ

Вот питекантроп, на глазах наглея,
что смог — украл, остатки — растоптал.
Хам отвратителен, как руки брадобрея.
Ждёт в Гааге трибунал. Гаагский трибунал.

Я рядом здесь живу, три шага от канала —
цветами завалю просторный строгий зал...
Я лишь стихи всегда с восторгом так шептала:
«Ждёт в Гааге трибунал. Гаагский трибунал».

На что мне уповать, в Небесный Суд не веря, —
не покарат их, как сроду не карал.
Равнять их со зверьём — унижить душу зверя.
Ждёт в Гааге трибунал. Гаагский трибунал.

Не бог, но человек отправит банду в Гаагу.
Мне Нюрнберг надежду с детства дал.
Я мантру бормочу, слагаю молча сагу:
«Ждёт в Гааге трибунал. Гаагский трибунал».

СТРАНА

страна,
про которую
работница почты — коллеге:
«Саския, ты не знаешь, Рюсланд — это
Европа?..»
именно так — всегда

страна,
которая,
если снится,
криком кричишь и плачешь,
и бойфренд говорит: nightmare?
именно так — всегда

страна,
куда,
покупая билет,
смертельно боишься ехать
именно так — всегда

страна,
из какой,
словно сердце — багром,
лютая мука уехать
именно так — всегда

роль клеветника и вандала
клепали мне эти и те —
за то, что в мирской суете,
среди шумного бала,
музейного зала,
я «Чёрный квадрат» очерняла

ВОЖДЕЛЕНИЕ

когда я в Гугле ежечасно набиваю
«смещение пу»,
мне Гугл выдаёт
«смещение пупка»,
«смещение путей», —
и лишь на третьем,
на последнем месте
читаю с вожделением
о главном

«эта страна должна уйти,
и она уйдёт с политических карт», —
так, всё мощней и мощней, речет хор,
о чём мечтал в одиночестве Бонапарт,
сей факт — историческая неизбежность,
поэтому очень скоро
не будет ни памяти о Бонапарте, ни хора

...к слову сказать, ведь всё-таки Бонапарта
воспитали не столько киники или Спарта,
сколько сама Франция, где до сих пор в кафе
ангельски ароматно кофе — и аутодафе
подвергается всякий, кому на фиг шартрез не нужен,
например, я, — и чёрт его знает,
долго ль отпущено этой лафе
и отражают мой глаз акварельные лужи

ЛУЧШИЙ ВИД

убитый лежит под стеною Кремля,
Заказчик сидит с другой
ёе стороны. «Всё это сделано для, —
прогрессист, в студии, нервно стучит ногой, —
для утешения! Ведь это же лучший вид
русской столицы!» но я никак не могу согласиться.

зрил безмозглых тварей ворог,
плюнув на святые мощи:
«Лучший вид на этот город —
если сесть в бомбардировщик»

когда полностью выключат свет,
конечно, кто-то найдётся со свечкой
но ведь и свечке придёт конец

и не блейте тогда — о, я не знал, нет!...
пожалуйста, не прикидывайтесь овечкой
Небесный Пастырь создал Землю не для овец

царевич Дмитрий упал на нож
царь Павел себя высек и задушил
кто-то стрелял себе в голову десять раз
это уж как повезёт

я не о том, что сценарий схож
и что хватит у штучных героев жил
но — воняет сивухой сусальный квас
и туп беспробудный народ

ядовитый смертельно и скользкий, как ртуть,
все свойства кому заменяет хитрость
проткни ему прутиком головогрудь —
ливанёт зловонная тёмная жидкость

плоть от плоти царька его раболепный скот
отгрызли им головы, им же и легче стало
правда, с головой вместе исчез и рот
«урррррааа!!!!!!» толпа лишь анусами орала

ФОЛЬКЛОР-АПОКРИФ

Иван-дурак угробил сдуру щуку,
Но не сумел сварить себе уху.
Казалось: обрати кирдык в науку! —
но он низвёл науку в чепуху

Иван-дурак на самоходной печке —
к развилке. Но развилка миновала.
Ни зги. Ни уж, тем паче, сеновала.
Россия на печи летит по встрече.

КАМУФЛЯЖ НА ОБОЧИНЕ

трусость они выдают за кротость
тупость — за верность
подлость — за дерзость

жадность они выдают за мудрость
зависть — за слабость
трупность — за бедность

дикость они выдают за лихость
мерзость — за нежность
жесткость — за мягкость

алчность они выдают за честность
пропасть — за доблесть
горечь — за сладость

плесень они выдают за песнь
пошлость — за роскошь
камень — за хлеб

БОРИСУ НЕМЦОВУ

1

всё оттого, что сладились от веку
быть лагерною пылью,
выкручивают крылья человеку,
выкручивают крылья

всё оттого, что Огненную Реку
он переплыл, а вышел у Бутырки,
выкручивают сердце человеку —
как пробку из бутылки

2

и не за то, что он политик,
и не за то, что с головой
(наука знает много гитик),
и не за то, что молодой,

и не за то, что чуждой группы,
и не за то, что не впервой
за то его убили трупы,
что он — живой

МАТЬ И ЦЕЗАРЬ

*«И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом...»*

(А. А.)

цезарь пообещал матери наказать убийц её сына
собственно говоря, маслом написанная картина,
от которой тянет блевать всех, у кого есть глаза
но слепошарые ликовали и были «за»

цезарь пообещал матери наказать убийц её сына
и значительно кривил бесцветную свою бровь
мать стояла — бесслёзная, сухая рябина —
и смотрела, как он смывает с ладоней кровь

*«Между
святостью и
свинством»*

«МЕЖДУ
СВЯТОСТЬЮ И
СВИНСТВОМ»

МЯСОРУБКА

есть такое место — Мясорубка
чёрная дыра ведёт в нору
Мясорубка, Мясорубка, Мясорубка,
Мясорубка, Мясорубка, ги

человечий фарш течёт по трубам —
дальше, дальше, дальше, дальше, дальше
и гарцуют всадники по трупам —
в Мясорубке очень любят марши

Мясорубка мелет даже время —
уркагана твёрдая рука
мелет — темя, вымя, стремя, семя, племя,
чернь и фараона-дурака

Мясорубку — не пересоздать
в мирный трактор — только морок множить
её надо либо уж принять,
либо уж под корень — уничтожить

В ДУХЕ ФЕТА

ЭТОТ ДЫМ, ЭТОТ ГАМ,
ЭТОТ КРЫМ, ЭТОТ СРАМ,
ЭТОТ ВОЙ, ЭТОТ ОР
ЭТОТ ПОЗОР

ЭТОТ ХРАМ, ЭТОТ БОГ,
ЭТОТ ХАМ, ЭТОТ ЛОХ
ЭТОТ ТРОЛЛЕЙ ПАРАД
ЭТОТ АД

не надо умов из «Что? Где? Когда?» —
дабы понять, в каком лесу фальшива вода
в каком колене матери отрекаются от сыновей
в каком улусе живые — лишь плачем — мёртвых живеи
...где в растоптанной, каторжной, подконтрольной
палитре

белый с чёрным полностью схож
где веками, веками царевич Дмитрий
упадает на нож

когда Россия свалит из России
— кто за кордон, а кто на небеса —
останутся бездомные собаки
и две совсем безумные кукушки
аукаясь через хребет Урала
обратный поведут отсчёт

там озон отравлен, там звери сходят с ума,
там трупами числят размеры и вес пространства,
там посох котируется, и сума, и ещё тюрьма,
которые есть, в совокупности, если и не лекарство,
то способ отвлечься — и даже развлечься; мокрый закат
там выглядит, как развороченная на животе рана,
как Огненная Геенна в миллиарды ватт
там виновен рок, рак или рог барана

и скажут, и кычут там недожители — на манер
шизофренички-совы или мёртвой кукушки
а то залают вдруг весело, как бультерьер, —
перед тем как вцепиться в горло девочки или старушки,
что одно и то же; там пляшут, вываливая синие языки,
в бальной зале, то бишь в пустой больничной палате,
и плачут, и плачут, словно несчастные рыбаки,
которым не светит ничто, даже килька в томате

и прёт у них пена чрез раскуроченный рот,
когда выхаркивают они в конвульсиях Главное Имя
и колотят они в тамтам, то есть в ржавый брендспойт,
и швыряются экскрементами — бычьими или своими

старухи, нищие старухи
размазанные в глине лица,
где трупные черты разрухи
ползут, чтоб в детях повториться

заборы, пустыри, сараи
но не было такой страны и нет
мне кажется, я тяжело умираю
и вся Россия — мой предсмертный бред

страна Скотиния простёрлась так широко,
что медведи сбились в пугливые кучки —
белые вместе с коричневыми
и, хотя никто в кучках ни с кем не знаком
и не может быть речи о дружбе и случке,
но дрожат они вместе, ибо так привычнее

орёл над Скотинией реет без одной головы —
то есть с одной, в зрачке его ужас
но ворон улыбчив и тучен
и выкрутили себе шеи аферисты-волхвы —
узреть хоть единую звёздочку тужась
и кучки перерастают в кучи

ВОПРОСЫ К ТИРАНУ

они тырят поживу с общей охоты
отребье рыгает на пиршествах шумных
скажи: тебе вправду нужны идиоты?
ведь ты никогда не приманишь умных

и ты стоишь среди кровавых обломков,
и некуда бечь, и мир страшно тесен
скажи: ты вправду любишь подонков?
эту шваль, шантрапу? всю эту плесень?

одним против совести — что против течения
но не в реченьке чистой, а кое-где посуровой —
там, в стремнине, где нету себе прощения,
где тонешь, захлёбываясь, в собственной липкой крови

а другие при слове «совесть» обнаруживают хорошие манеры,
бархатный баритон, виски, клёвый пиджак
и шутят они безоблачно-нагло, как юные пионеры
и с богатой отрыжкой не справиться им никак

СОДОМ

...а там, далеко от Сатурна, остался родительский дом —
с нужником во дворе, с камышовой крышей,
средняя школа, куда на свиданки скакал,
а Девятого мая славил стихами Содом —
и — шёлковый с золотом вымпел — вручал? получал?
на почётной линейке с другом до гроба Мишей

хоть летит всё куда-то чумазый чумной паровоз,
хоть снижается, окулист говорит, качество слёз,
хоть возвёл в себе против слёзопотоков тысячи дамб,
но не может по-прежнему выучить «сено-солома»
на чужом языке, и потому на дежурный вопрос
«Откуда ты родом?» («Ваар ком йе вандаан?») —
он сначала привычно шарит сбоку наган
и с ненавистью смотрит на чей-то чужой чемодан,
и отвечает по-русски: я — из Содома

КОЛОКОЛ

качай — раскачивай — качай — раскачивай
древнего колокола язык
жестокий пожар, внукам назначенный,
дедов слепых в нужниках настиг

качай — раскачивай — качай — раскачивай
пламя от края до края стоит
услышь, прозрей — благодушный, проплаченный,
шёлковый, плюшевый инвалид

люди на льдинах — их дальше, дальше относит
люди на льдинах — машут бог знает кому
кричат по привычке — никто ничего уж не просит
с рожденья латали сеть — выуживали суму

люди на льдинах — в разломах мёртвая карта
люди на льдинах — и мутная жидкость без дна
гигантские смрадные льдины, словно фрагменты асфальта
прощай, — вера, любовь, надежда, — прощай, страна

ПРЕЕМСТВО

оставили им отцы — отнюдь не поместье,
не благорастворение воздухов и прочую радость
оставили им отцы — врождённое обезьянье бесчестье,
благоглупость, и лебеду, и спесивую голозадость

оставили б им отцы — хоть парочку сенных девушек,
хотя бы язык — грамматически ясной речи
но оставили им отцы — завыванья про душу и хлебушек,
и головёнки, втянутые заподлицо в плечи

оставили деткам даже и не конфеты — дефектные гены,
самой природой назначенные на выбраковку
да ещё — на берегах Невы, Леты или же Лены —
от «сникерса» почти не затоптанную упаковку

LA VIE EN ROSE

акушерка розовые очки вживила мне в череп
я орала как резаная — у меня аллергия на розовый
и долго — сквозь эти очки — кишашие чёрные черви
казались мне розовыми мимозами

и долго мне морочили голову своим величием
странные существа, раздиравшие мои раны
но я разбила очки — и увидела их обличья:
алкаши, ворьё, международные бандюганы

ПЫЛЬ

земноводный колосс в глиняных сапогах,
каковые, для понта и против бунта, на глиняных каблуках,
наконец обрушивается

циклопический грохот так иль иначе проходит,
а вот ПЫЛЬ — остаётся

пыль, от которой идёт падёж в скоте и в народе,
пыль, под которой медленно агонирует патриарх,
пытаясь спастись на дне забитого пылью колодца
пыль, пыль, пыль, пыль

но и молитва не помогает, навроде, —
и чахнет сосуд скудельный, как высушенный мотыль

да: вот она — пыль, пыль, пыль, пыль
оказывается, тело колосса — было тоже из глины,
то есть, по сути, из пыли была его голова,
из пыли были его самолёты, боеголовки, мины,
из пыли — крашенная салагами-срочниками трава,
из пыли была даже ворованая епитрахиль...
всё вышло из пыли — и возвратилось в ПЫЛЬ

а что до колосса — «Прикинь, из пыли был его член!» —
«Да хоть бы хрустальный — он бы и тот разбил» —
«А из каких сам-то он был?» —
«Да, кажется, из шестёрок или терпил».

да: из пыли был у колосса забытый жёнами член,
из пыли летели невнятные крики и речи,
были в пыли зачаты хитрый еврей, злой чечен,
но в прекрасном далёке они наконец расправили плечи —
подлинные, с бицепсами, трицепсами, яростной жизнью
а здесь осталась лишь ПЫЛЬ — на планшете пустынной сцены,
на фанерном заднике захолустной, как полустанок, сцены —
пыль, пыль, пыль, пыль
и некому справить тризну

оставшиеся — задохнулись:

пыль перешла в гены

она пришла из холодной зимней гимназии...
в кабинете, привыкнув, что электричества нет,
сидел со свечой жених, разглядывая карту Азии,
друг детства в Куоккале, белогвардейский корнет

они стояли у нетопленного камина, не снимая шуб
пар возносился, как призрак, из бледных молчащих губ

жениха связали какие-то люди ночью,
пустили в расход семью профессора на корню,
и густо валил снег — словно рвали и рвали в клочья
брачную нетронутую простыню

...возле простреленного окна — мёрзлый букетик роз
и звенит серебром фольга — на шоколадке, что он принёс

НАМЕСТНИК БОГА

шаркающей походкой —
но не кавалеристской, а старческой
он ползёт по вотчине кроткой,
чья казна разграблена начисто

скрипят на лысине ржавые лавры Феба...
оседает под снегом лагерь палаточный...
молили хлеба — главным образом, хлеба...
был уверен: им зрелищ достаточно

ИЕЗУИТЫ

лгали, унижались, унижали,
перебрали все, какие есть на свете,
гнусливости; когда коллеги уезжали —
трусили, но вот — уехали и дети

лебезили, доносили, прогибались —
каждый для любимого для чада
но и внуки чувствуют усталость,
видя их глазок в окошке чата

ползали, подсиживали, крали,
гнёздышки бесчестьем выстилали —
цицероны воровской морали...
правнуки вспомнят их едва ли

ОДИЧАНИЕ

одичание — рытвины да пустыри в гололёде,
да лебеда забивает даже очки нужников
ржавь арматуры, ветра и заплачки в природе,
вепри испуганы насмерть грохотом ледников

царское счастье: жменя, полная жмыха
вепри несутся стадами, растапывая полчища крыс
одичание — волки завидуют задранным ими зайчихам
обрушивается на новобрачных сгнивший карниз

прошлое полыхает — огромной заброшенной свалкой
зависает в полнеба тяжёлый задымленный смрад
ничего мне не жалко? зуб даю, ничего не жалко
подумаешь тоже, бриллианты в семнадцать карат

мне отвратительны были самцы из общей со мной деревни
я захотела начать с чистого «до-дизел»
я устала слушать — «как сказала Анна Андревна» —
с каждым стаканом в парадном, а также и без

как ни странно, я быстро нашла, что искала,
после станции Чоп прошёл опостылевший бред
и когда говорю теперь что-нибудь вроде «La Scala»
мне с улыбкой кивают — ну да, обувной, парфюмерный бренд

и хотела б я Ваню, условно сказать, из Рязани
пусть пройдёт просто мимо, пусть пьяный в дымину пройдёт
и я брошу чего-нибудь вроде — «готовь летом сани!»
а он просто качнётся, но я-то пойму, что поймёт

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

глядя в трубу, Паганель восклицает: «Земля!»
а через миг: «Нет! это ад, ад!
лево руля! — или как там — право руля!
сэр Мангис, прошу вас, назад! назад!»

этнографу явлена экзотическая картина:
из ящиков от стеклотары цезарь возводит свой Рим,
и в зеркальце смотрится, как профурсетка Мальвина,
и жирно кладёт в подглазия трупный грим

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

от колыбели — «конец!», «хана!», «катастрофа!»,
«пропасть!» — и видишь глухой, с трёхчленом, забор
хоть переведи в эсперанто, на язык Заменгофа,
получишь всё тот же, всё тот же набор

родители ушли, состарились дети, выросли внуки —
а эти звуки бренчат и бренчат — с той частотой, как и «бл...дь»,
так же заразны, бессмысленны — но, может, важны для науки,
аргументируя формулу Энгельса: «жить — равно — умирать»

сожгла мосты... хоть я могу и вплавь,
но не хочу... отравленная жидкость
той речки в окруженье ржавых трав,
как в кислоте, рассасывает личность —

титана иль пигмея — на юру
нет разницы; идёт на нерест рыба
протухшая, чтоб тухлую икру
метать — где не допросишься «спасибо»

сожгла мосты; хоть я могу и влёт,
но не хочу... сам воздух там отравлен
и никогда сковавший землю лёд
не обнажит живительных проталин

не оголит младенческой травы
и нежной чернозёмной кожи
и не придут с гостинцами волхвы
и даже чудо не поможет

КОЛЫМА

(по книге Евгении Гинзбург «Крутой маршрут»)

на ней — ушанка и два ветхие бушлата
колотит тело в хлам, что ни надень
шалаш еловый — царская палата
лепком ей дал отгул на целый день

как волк, дрожит, пугаясь и не веря,
что ей в подкормке — и обрат, и шрот
и неочищенный вонючий жир морзверя
вливают ей в цинготный чёрный рот

вчера, наперекор колымскому апрелю,
псалмы запела в луже ледяной —
босая, с язвами на измождённом теле...
жрал оленину у костра бухой конвой

и вот сегодня — утром злым, белёсым —
стал разъярён блатняцкий тот конвой:
была не в силах встать... но оказалось — косы
примёрзли к двум камням под головой

ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА

оттого, что сваты наблевали в снег
а собаки жадно блевоту сожрали
не заметил, как слёзы стыли у век,
как туфли жали

и как мёрзли ноги на том снегу
впору валенки — ну, сапоги хотя бы
и как похабную гнали пургу
батя и брат, как визжали бабы

и как гости орали «горько!» считали — «раааз!..»,
«дваааа!..», «триии!..», прогорланили «сооорок!..»,
и сразу сбились, а невесту запрятали в старый «Камаз»,
где прижал её Пашка, по кличке Порох

и как таскали в церкву с утраца, чёрт его знает, зачем
и кольцо уронил поп, лошара, на пол
и как разнагишились девки к ночи — ну чисто гарем
и как батя, ну то есть свёкор, новобрачную лапал

мой дед был портным, незлобивым и тихим
про своё невезенье любил повторять:
«если бы взялся шить я тахрихим*,
перестали бы люди тогда умирать»

как та Атлантида, почва уходит
табуретка висельнику не нужна
умру за язык! — но погиб он в народе
гибнет дыханье, душа, страна

* Саваны (ивр.)

их агония будет долгой, долгой —
у «простого рабочего», у офицера высшего ранга...
течёт река-реченька Волга-Волга
вкруг суши счастливейших — Чунга-Чанга

солнечный круг — на упаковке ленд-лиза...
небо вокруг, ржавых созвездий остов...
с проституткой Соней дружит бедная Лиза
а куда денешься? необитаемый остров

НЕРУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

не призываю к сталинскому раю,
среди амфор не ищу Святую Русь,
рубаху на груди не раздираю,
пуп не крещу, не пью, не матерюсь,

нервишки для войны не тренирую,
в соплях не завываю «Отченаш»,
в блевоте не валяюсь, не ворую —
законченный ничтожнейший типаж

и потому мне не найти нарядной рифмы
(и нимфы), и метафоры слабы,
и кровь моя пожиже даже лимфы,
и лавроносной не вкусить судьбы

населенье бока и пальтишки повытерло
но ты, московит, оставайся искренне рад:
на отнятые у тебя денюшки подкупают западных лидеров —
чтоб везде — везде — был такой же хаос и смрад

то есть тебе, московит, не должно быть обидно,
что в правительстве дяди и тёти, вроде, не те:
зато и соседям нашлѐшь такое, как сам ты, быдло —
уравняешь всех в смерти, а прежде того — в нищете

«в свою же сеть попался, Озрик», —
так прозорливо написал Шекспир,
словно узнав: отравит миру мозги
тюремный сброд под флагом «русский мир»

отдай концы — и скатертью дорога
скорей, скорей! — в душе мы говорим
ура! уже совсем, совсем немного:
гнилой «Титаник» налетел на Крым

румяные обжорливые старички,
жизнелюбы от пионерского горна,
до гроба ей льстят, втирают очки —
этой Тётеньке-в-Чёрном

существовать с ними — только в противогазах
хотя их бабы — в пайетках, лабутенах и стразах
их козы, объевшиеся белены, сорвались с уздечки
тебе помогут два друга — Макаров иль Стечкин

сограждане вошь на аркане держат в кармане — и дулю,
хайтек их навечно — на примусах и дровах
... ты честно впустил в своё тело — пулю
зато не впустил в своё сердце позор и страх

ЦЕХ МАСТЕРОВ

обтекаемы, покладисты, не упрямы,
мастера мимикрии, словечек бойких,
на самом краю общенародной выгребной ямы
проводят свой чистенький муждусобойчик

вот дама, академического реестра,
чирикает заумный, пустопорожний докладик
ни рыба, ни мясо, ни камень, ни тесто
захованный под макияжем приватизированный адик

вот дамочки в публице: прогрессистки,
навсегда голозады, но — «хорошо одеть»:
белые воротнички и, вполне умеренно, сиськи...
поэтически, эстетки, чекистские апологеты

господинчик, чахотку в зависти прихвативший,
сереет — конечно же, в первом ряду...
хотели Набокова подверстать для престижа...
Набоков им, с неба: «Нет. Не приду»

в этой больнице всем колют один и тот же укол
в этой больнице у всех одинаковый кал
в этой больнице, куда бы ты ни пошёл,
приходишь в светлый, как рай, ритуальный зал

в этой больнице задраена наглухо дверь
в этой больнице по радио вечный кобзон
в этой больнице плачет незримый зверь
в этой больнице у всех одинаковый сон

Предчувствие
ТАНКОВ
танков

УЕЗЖАЙТЕ

тонкие, строгие, горькие лица,
обрамлённые лепестками, листками, стихами
вам нельзя было в этом Содоме родиться
а вы народились — пеняйте на Бога сами

но не надейтесь на Бога — берите поклажу
что собирать вам? — пару любовных эпистол?
чужбина — пустынной, но не бесстыдной, не гаже
и голос ваш там да пребудет честным и чистым

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА

что нам свечки, иконки, киоты, за образами конфеты?
берёзки сѣдни тверёзые, и мы не в тифу аффекта
пойдѣм с козырей, Ваня, попросту говоря
кого бы нам шпокнуть для искупительной жертвы?
нам царь не помог живой, авось да поможет мертвый —
шпокнем царя

а потом — захлестнѣм да морями кровищи ветхий алтарь!
хрипи в хлябях крови, буйвол! охлос — наш подлинный царь
жертва — она и в Африке жертва, Христос ценит кровь
приветствуем, пьянь, по канавам весеннее совокупление
ждут — тёплого мяса, и сердца, и мозга — жернова искупления
а кесарей — бабы ещё нарожают, на то и сучара-любовь

ПРАЗДНИК

кровопийца подох в праздник Пурим,
не успев нас добить в лагерях
мы вдвоём «Беломор» молча курим
впершись взглядом в его прохоря

много праздников будет еврейских —
Тора строго ведёт их учёт
в топах финских, в лесах енисейских
память вместе с водой утечёт

но сейчас от чукотского мыса
до Невы — распостёрлась заря!
как там, заживо сгнившая крыса?
гроб не жёсток? не жмут прохоря?

ОППОЗИЦИОНЕР

у него жуткие пуговицы-глаза —
белые, независимо от настроения
но голосует умильно «за! за!» —
сиротское, заброшенное население

как будто живущий в доме тирана
— какой раздавит любое человеческое лицо! —
может соперничать с ним невозбранно...
золотой петушок, воровское крыльцо

КРЫМ, 1919

он вертит рассеянно жухлый цветок в руке,
покуда судьба ржавые загружает весы...
он тоскует на вырост о травах, тумане, реке
средней российской покинутой полосы

ну, думай — не думай: ежели повезёт,
втиснешь тело в загаженный душный трюм
гнилым, полумёртвым грузом загонит тебя пароход
в Константинополь — как мула, под палкою, в Эрзурум

а ежели перечеркнуть себя, то повезёт и вдвойне —
сквозняк забросит в Берлин или даже в Париж,
где что-то такое слышали о гражданской войне
и в кафе будут вежливы, коли ты пьёшь и молчишь

занесёт и в Нью-Йорк, в плотный кошмар этажей—
помнишь, на Каме, с мамой, боялся грозы? —
судьба завершилась — век, как своих ушей,
ни мамы не видеть тебе, ни родной полосы

на руинах империи тускло горят фонари,
что само по себе вызывает, скорее, испуг
если нет электричества, что там ты ни говори,
то с чего эти мёртвые головы светятся вдруг?

как положено хаосу, он алогичен, космат
вперемешку кровавые простыни с красной икрой
и горит, агонируя, лампочка в двадцать пять ватт,
где обедали выжившие во Второй мировой

ты пройдёшь переулком империи: славный конец
у бесславного этноса лгущих, подложных жрецов...
и свинцовый кастет отольёшь себе в виде сердец —
чтоб сыны добивали сподручней серийных отцов

ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА. УИКЕНД

звон стаканов и слипшиеся табунки пьяных;
возле детской площадки эякуляция медных фонтанов
приводит к тому, что дамы подначивают кавалеров
сбегать в мотель — короче, сходить налево

искромётные шутки включают пенис и анус;
Анубис (в соседстве с богиней гламурной Сатис)
зазывает в аттракцион «Царство Живых и Мёртвых»
(запрещёно для топлес — и тех, кто с топом, но в шортах)

застревает в гортани глухой человеческий голос
пожирает свой хвост золотая змея уроборос
обвалилась у выхода гипсовая фигура
пионера-горниста, из сердца торчит арматура

агония страны страшна
пикируют заждавшиеся птицы
в делириуме мечется страна,
желая вновь отравую упиться —

какой по счёту? чёрный океан
захлёстывает жалкие селенья
и даже мёртвый пребывает пьян,
и дети путают слова моления

уезжай — пока молод и пьян,
пока светится в поле палатка,
пока злой медоносный бурьян
не забил твой баул без остатка

уезжай — пока весел и свеж,
пока взгляд безлюбивый несносен,
пока зреет в лощинах мятеж,
пока зришь ты просвет между сосен

в концентрационном лагере
это человеческое существо
поставили
на загрузку и выгрузку газовых камер

какова мощь
наступившего для него,
через пару дней,
тотального бесчувствия?

теперь подумайте о чувствительности
масс,
которые,
на территории
между Финляндией и Китаем,
существуют всю свою жизнь

эту станцию, с жутким названьем «Рахья»,
куда кошку жестокий сосед отвозил,
чтоб она там подохла, запомнила я...
кошка всё ж приползала, хотя и без сил

возвращалась туда, где и бьют, и казнят...
регулярно в окошечке видела я:
кошка, между сугробов, плетётся назад...
так и память моя

2019

ВАНГА

«ваша земля на восток лежит от заката,
опухшая от трёхвекового сна и запоя
живое летит от вас ласточкой, гляньте, ребята:
бежит от вас, гаврики, в ужасе, всё живое

напёрсточный мелкий помёт зазевавшейся дворни...
краплёные карты, фиксы, лагерный злой «сезам»...
вижу: столетние мощные древа, повыдрав корни,
бегут от вас — без оглядки — к живым лесам

вода обходит любые, любые барьеры,
сбросив оковы смерти, заклятия, чёрный сглаз...
а вам — догнивать без любви, надежды и веры
но жизнь уцелеет, я знаю, жизнь спасётся от вас»

ПОКОЛЕНИЕ

мои мальчишки были бандиты
то «Беретта» топорщил карман,
то деньжата... они перебиты
и лежит каждый — молча, без свиты,
под надгробием «Помним, братан!»

ну а что, коли спросят братана
на том свете другие братки,
он запомнил? — огни ресторана,
да бифштекс, что сочился, как рана,
да девчонки портовой чулки

да ещё эту чудную гонку,
когда сердце быстрее колёс...
да засвеченную фотоплёнку,
что ментяра, купясь на палёнку,
как улику серьёзно принёс

эх, детальки, такие детали!
но всех слаще — тот миг, когда ты
осознал, что тебя — не догнали...
и, как водку на грязном вокзале,
материшь кандалы нищеты

2019

ТЫ — ОТТУДА

человек родился в ГУЛАГе,
но потом облетел — весь мир
и, в своей первобытной отваге,
позабыл он и слово «ОВИР»

но однажды нашарил он папку
с пожелтевшим каким-то листком
и увидел: допросную лампу,
будто вечно был с нею знаком,

и увидел багровую рожу,
на стене — портрет палача,
в чёрных кровоподтёках кожу,
издевательский цвет кумача...

он почувствовал даже запах
свежей крови, горячей мочи,
плоть живую в палаческих лапах,
кляп в гортани (кричи — не кричи)...

... подошёл он к ступеням веранды,
ужасаясь, что, видно, ослеп...
и сверкали бесстрастные Анды,
на вершинах являя свой снег

я должна — даже пусть в эмпиреях —
задыхаясь под скорбной золой,
написать о безвинных евреях,
превращённых в питательный слой...

я должна о величье Эллады,
что вросла на столетья вперёд,
сочинять золотые баллады,
европейский скликая народ...

я должна, под крылом серафима,
что сфальшивить мне сроду не даст,
жечь огонь — колдовской, негасимый,
открывая нетронутый пласт...

но я думаю — о слепошарых,
что бессчётно, веками подряд,
как у Данта, сгнивая в кошмарах,
рубят сук, на котором сидят

ТУРИСТЫ

и снова, накануне полнолуния,
туристы входят в Гефсиманский сад...
они пройдут апофеоз безумья,
и, может быть, оно пойдёт на спад

такой сегодня вечер, что в проклятье
никто не верит, разве что халдеи
разит сивухой дух меропрятья,
отравлен скверной ветер Иудеи

стоят в расцвете древние оливы...
лишь слышен хохот проклятых туземцев,
что будут, обезумевши, счастливы
жрать собственных младенцев

край,
где грач окликает грача:
а закурить не найдётся?

край,
где вор узнаёт вора
по «бинди» —
красной индусской точке
в центре чела
на неё настраивается крест
оптического прицела

край,
где арба с караваями хлеба
сроду много дешевле водки
но дешевле всего — обида

кстати, занюхать то и другое
можно и рукавом

НИЩИЕ

трамвай забирает безглазый, безногий люд,
что христарадничал возле Никольской церкви
и расплзутся по кухням, и стопки с верхом нальют,
и будут бухать калеки, покуда закат не померкнет

но их сновиденья светлы: девчонки играют в мяч
и прыгают через верёвочную скакалку
мальчишки — в Чапая: Чапай, конечно, горяч,
а Петька — предатель, и пристрелить не жалко

а утром опять на работу — чернеют в снегу, стоят
у белого с синим, как мамин буфет, у храма...
голуби, заколдованные в раненных воронят
их не узнала бы мама

ОТКРОВЕНИЕ

однажды земля под случайной стопой загорится,
и мощное пламя взовьётся столбом, как в аду,
и вширь это пламя стремительно распространится —
при том остановится по официальным границам,
сигналя соседям, что те избежали беду

и будет гореть та земля — без остатка, без праха,
поскольку тот пепел мгновенно сметёт ураган
и щедрые ливни пройдутся по грунту без страха —
на радость природе, и жизни, и бывшим врагам

ноябрь, сезон демонстраций и алкоголя
кровавые флаги на грязи, воняющей водкой
идёт мой милый — лиловенький дроля —
шаткой походкой

раскрыл кирзовые, ангел, объятия
во всю ширь местной промзоны
на площади военного предприятия
поют кобзоны

ОТЦЫ И ДЕТИ

воровали, пьянствовали, ввали,
по макушечку — в кровавой бане
на карикатурном карнавале —
тьма кадавров, как на поле брани

никого — у смертной у палаты...
«для тебя ведь жил!..» — хрипит отец
а наследник взял билетик в Штаты —
в один конец

ПОЛКОВНИК

был он обычный антисемит
полковником вышел в отставку
и вот голодуха уже стоит
у самых дверей

он дал на лапу, выправил справку
что прадед — еврей

и уехал в Берлин
тогда ещё разрешали
(позже — лишь в Хемниц какой-нибудь)
жена умерла, остался один,
в неподъёмной печали
дотрюхивать путь

иногда, перебрав арсенал повседневных тем,
под водяру, думает о переселении душ
и о том, какое он имеет отношение к тем,
ну, к шести миллионам тем,
что вошли под смертельный душ

и рыдает, и воет — помятый, жалкий,
и смерти был бы уж рад
но — жалеет проданные медальки
у входа в «Охотный ряд»

КУРЮ

синяя струйка дыма, словно тропа,
тянется, тонкая, к небу, где нет ни попа,
ни его любимой (убитой им же) собаки
и Бога не вижу я в облаке, лишь буераки

валяюсь, курю в траве — я, приبلудная дочь
очки мои чёрны, днём прозреваю ночь
и солнце мне делает свой беспощадный рентген

Хронос, или кто там над нами, молю об отсрочке:
всем, кто родился в не очень счастливой сорочке,
важно увидеть поверженный Карфаген

РФ-ДВОРЯНЕ

родители были «из служащих»... конечно, этот изъян
не придавал оборотов их немудрёной карьере...
а дети «рабочих», «крестьян», «рабоче-крестьян»
бухали, закусывая дорогим партбилетом, — и в сквере,

и на «производстве», и ясно, — на «метрах квадратных»,
где, коростой заросший, мертвел многотомный Ильич,
и гордились: у трущобных, чёрных, вонючих парадных
торчали консервные банки — «Москвич», «Москвич»...

нынче — плюнуть уж некуда: всё попадётся в дворянина,
что свой партбилетик за мёртвой иконой хранит
плюнь ты хоть мимо, влепишь, — конечно, не мимо —
а прямо в его родовой геральдический щит

обозреваю мышонка, от ушек до самых до пят,
что родила гора, — бессмысленно воя, потея...
дворяне российские напрочь за мной не стоят
за мною — пророки стоят на холмах Иудеи

вручив бразды вора́м и делова́рам,
по-христиански не держа́ обид,
объя́тая по́зором, как пожа́ром,
страна́ безу́мная ча́дит

безу́мие, по́зор — возмо́жна ль го́рше,
абсу́рдней свя́зь — безу́мие, по́зор?
она́ ча́дит, но взор — как ле́д проме́рзший,
хва́лёный васи́льковый взор

СЕЛЕНИЕ

...там чёрные аисты крали детей по дороге,
швыряли в провалы, реки, моря, ущелья,
там юноши пили бензин безо всякой изжоги
там виселица была для пейзажей заменой веселья

там свадьба всегда заканчивалась тризной
там во всём, имманентно, был жид виноват
там невеста считалась гнилою, капризной,
коли не пропустила через своё межножье
взводы бухих солдат
там, в бездорожье,
был самый скучный разврат
ибо заняться всё равно нечем
заблудившийся Демосфен терял там дар речи

старцы сражались там на заржавелых ножах
там расцветали, грибами объевшись, умы
русское «ужас» было слабей украинского «жах»
там утвердилась вера в безверье Фомы

там трупы — смолой, ещё не остывшие, обливали,
в перьях валяли,
факелами поджигали,
и кривлялся юродивый, выпустив злой фиолетовый уд
попы, повизгивая, кикиморами кричали,
и голые девки на свиньях высоко скакали,
бились в падучей, чертей величали,
творя земной справедливый суд

но дети закончились, аисты улетели,
бензин, и смола, и перья иссякли
деревья, познавши ласку метели,
стоят в париках седых, как из пакли

...бежит в колесе очумевшая белка
в телевизоре пыльном — вечный балет
на стене висит часовая стрелка
а часов — нет

будь я злым, ничтожным, презренным шутом
при главном российском вельможе,
я бы пела, даже с зашитым ртом:
«изничтожь тебя, Боже!

ты — гигантский, проклятый, смертельный тромб,
перекрывший движение сердца
да сгорит в преисподней твой подлый трон —
кровопийцы в личине имперца»

ты, мелкий уродец, решил запрещать весну,
обманывать облака, радугу отравлять,
тромбировать намертво реки, златую блесну
для ловли рассветов — в закаты переплавлять,
движение соков пускать исключительно вспять

но тихо ласкает меня мой зоркий, язвительный смех:
я вижу твоё разложение, жабёнок из рода химер,
из тех, кто исчезнет бесследно, как злая икота, — из тех,
кто верил, что я родилась для ГУЛАГа, для СССР
(что, в принципе, то же), но будет посажен в вольер,
на цепь, — недотыкомка, недоцарёк, недозверь

КЕМЕРОВО

коль плакать — так плакать, без позы, без роз и без спроса —
на тысячи лет назад, на годы вперёд, нон-стоп,
но люди слышат лишь всхлип своего же носа
эмпатия сильно буксует в глобальных вопросах
тогда им, к самому носу, подносят гроб

от памяти мотыльковой только и проку,
чтоб выжить до завтра, на личной кочке земли
сирийские и украинские дети,
мёртвые дети,
подставили б левую щёку,
ну, то есть другую подставили б щёку,
если б могли

не чут грозы в начале мая,
когда какой-то странный гром,
всех жителей вокруг пугая,
грохочет в небе голубом

гремят раскаты боевые,
вот взрыв раздался, пыль летит,
я слышу перлы речевые,
пожар Воронеж золотит

мне скажут: путинская клика,
кормя двуглавого орла,
громокипящий кубок лихо,
как встарь, на землю пролила

МАЛАЯ ПЕРЕМЕНКА: 60-е

детишки: скакалка, лапта, летка-енка —
и лента на дедушке-Ильиче алая...
буянит большая, как жизнь, переменка!
но — переменка выдалась малая

шалите, детишки, да знайте же меру
не рыпайтесь, как замполиты-папаши
за вашу кротовью послушную веру
расплатятся кровушкой правнуки ваши

ИНСЦЕНИРОВКА

я бы хотела проснуться утром,
в начале июня
нет, лучше в конце мая, ещё до каникул
и чтобы голос моей молодой мамы сказал:
знаешь, Марина, тебе это просто приснилось:
нас не выперли в эмиграцию, мы дома, дома
наша страна совсем не кровава

а вот те бесщётные жизни,
загубленных в позорных войнах,
в сталинских репрессиях,
в голодоморах,
в еврейских погромах,
в каннибализме блокады,
в операциях карательной психиатрии,
убитое в самолёте правительство Польши,
разорванные в клочья сирийские и донбасские дети,
расстрелянный голландский боинг,
сгоревшие дети Кузбасса,
русские старики, подыхающие на помойках, —
это была просто инсценировка,
проверка твоей души перед Богом

Марина, не плачь! все живы! все живы!
честное слово — живы и счастливы
наша страна не кровава
она благоденствует и процветает
да: это была просто инсценировка

Господи, а вдруг такое возможно?
и — ясное майское утро:
белые облака в сияющем золоте рая

БЫЛОЕ И ДУМЫ

менты, тишком, вошли в парадную
и вырубили электричество
и к диссидентам зло вломилися
чтобы с поличным заграбастать их

у диссидентов тех в кассетнике
была кассета с порнографией
она застряла в силу слабости —
от вырубленного электричества

когда нам воздух Божий вырубят
нас всех с поличным заграбастают
кого уж с чем, кого уж с кем — как выпадет
в забавных позах неподвиженных

ЗРЕЛИЩА

население чтит гладиаторские бои
и готово уйти целиком на подножный попкорн
и, забив на все страхи, а также обиды свои,
силу мышц избирает в надёжный духовный подкорм

сила мышц! на голяшки и ляжки литые глядеть!
и пускай после дождичка жизнь улыбнётся в четверг
но зато — триумфальной ареной — представлена смерть
рот распят в зверских воплях, и палец натруженный — вверх!

ликованьем — сплошным ликованьем! — пылают сердца
цезарь сам упоён ликованьем народных сердец!
и турнирам кровавым — о счастье! — не видно конца
правда, Риму — о счастье! — ускорен, ускорен конец

ты был в партии, что устроила Голодомор
твой мозг не знает слова «позор»
ты — устроил Голодомор

ты был в партии, что организовала ГУЛАГ
ты — не фашистско-немецкий враг
но ты — организовал ГУЛАГ

ты выпер меня из страны, обрѣк на суму,
что чуточку лучше, чем в ров иль в тюрьму
ты — обрѣк меня на суму

теперь ты — уважаемый пенсионер
внук зовѣт тебя ужинать в «Англетер»,
не зная, что дедушка — изувер

ANTE BELLUM

ещё всё в порядке с герцогом Фердинандом
и кровь, что прольётся, пышным восходит бантом
на дачной гитаре... флиртуя в саду счастливом,
пииты бьют мошкару над Финским заливом

ещё всё в порядке с красавицей бунинской, Олей
она, правда, знает о женской телесной боли,
хоть классные дамы в пенсне о том умолчали...
её застрелит любовник на грязном вокзале

ещё всё в порядке с теми, кто сдохнет под немцем:
они не узнают про братьев — Гулаг и Освенцим
они ещё спят в облаках белоснежной сирени,
счастливые свойством земным — отбрасывать тени

2019

Моя страна — гигантская могила
Для всех, кто был и не был друг и брат.
А Сеятель лишь тем и виноват,
Что семя к птицам в глотки угодило,
Без всякой пользы в них перебродило,
И улетели птицы на закат.

И археолог, тщась культурный слой
Сыскать, отковырнет лишь перегной,
Но полый, не рождающий траву.
Пройдут века во сне, как наяву.
Настанет срок Вселенского Потопа.
И наши души из небесных окон
Засмотрятся, как льёт, и льёт, и льёт...

Потом подросток накопать червей
Придёт на берега страны моей,
Чьи горы утрамбованы по дну...
Он удочку закинет в тишину
И не по-русски вскрикнет, что клюёт.

2000

Война ВОЙНА

SOLDATEN

рассчитайтесь, Soldaten, на «первый — первый»
здесь нету вторых,
ни одного второго!

шаг вперёд, в кулак — нервы,
отвечай, присяге-непонятно-кому-верный:

у тебя есть лошадь или корова?
бриллианты, лучшие друзья девушек?
девушки, лучшие друзья до совокупления?
женщины, лучшие друзья — после?
есть ли хоть одно, наизусть, слезогонное стихотворенье?
фотография Гретхен? банка варенья?
фантазмы для гонки понтов? кураж для вранья?
ждёт ли тебя сума? подсудимых скамья?
машина-квартира-жена-дача-семья?

у тебя, у каждого первого, есть ли — мать?..
но даже это — не факт...
никто наверняка не может этого знать

отвечай же ты, ряженая в камуфляж свинья,
отвечай, лужёная глотка, вертикальная лужа,
отвечай, кучка навоза — без петуха и жемчужин,
не смей увиливать, башкой не качай...
отвечай!

...и вот —
рвётся ответить первый,
каждый первый —
что этот — что тот —
первый, тысяча первый взвод,
раздирая беззвучно, как чёрную яму, — рот,
раздирая, как в мунковском «Крике», рот:
JEDER, JEDER HAT SEJNEN EIGENEN TOD*
2012

* «Каждому — своя смерть» (нем).

ПРОРЕЗАНИЕ ГЛАЗОК

глазки у людей прорезаются
ох, совсем не так быстро, как у котят
у котят-то они, потихоньку,
где-то уже на восьмой — двенадцатый день
причём естественным образом

а людям — даже половозрелым,
даже интел... как это? — интеллектуальным
даже высо... как это? — высоконравственным
даже лериги... как это? — религиозным —
для прорезания глазок нужны очень сильные раздражители
ну, то есть — очень, очень, очень, очень, очень

наиболее частотный глагол людей — «забей»
(ну, на разных языках — по-разному)

говорят, что евреи,
в очереди перед газовой камерой,
травили анекдоты
а что им оставалось?

и вот получаецца, что для прорезания глазок
нужна такая острая-преострая бритвочка
такая острая-преострая
такая острая-преострая
ну, прям вот как в бунюэлевском фильме

но поздно

остаётся заткнуть ушки
и при том кричать, кричать, кричать, кричать
мама, мы не виноваты

МАНТРЫ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

1

подлость правительства — никак не подвиг народа
преступленья правительства — это трагедия народа
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

2

подлость правительства — никак не подвиг народа
хотя правительство есть плоть от плоти народа
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

3

подлость правительства — никак не подвиг народа
« — Мамочка, я боюсь уснуть! ты не съешь меня, мама?»
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

4

подлость правительства — никак не подвиг народа
мать доедает своего ребёнка — это не подвиг матери
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

5

подлость правительства — никак не подвиг народа
« — Детка, убей меня! съешь! тебе надо выжить...»
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

6

подлость правительства — никак не подвиг народа
« — Сынка, поверь, это самая вкусная крыса на свете!»
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

7

подлость правительства — никак не подвиг народа
« — Ешь, Маша, это не Ванечка, это кошка!»
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

8

подлость правительства — никак не подвиг народа
это отребье, когда пожелает, вновь устроит

Героический Мор

подлость правительства — никак не подвиг народа
подлость правительства — никак не подвиг народа
подлость правительства — никак не подвиг народа
бей барабан бей барабан бей барабан гнева!

ПОБЕДА

1

ей было тридцать, мне было двадцать
мы, за руки с нею взявшись, плясали,
мы не могли друг другом налюбоваться,
пели птицами флейты, звенели медали

...повсюду —

цветы и люди, цветы и люди, цветы и люди,
барабаны будничность в клочья взрывают,
сверкают трубы — жерла райских орудий,
гроздьями, гроздьями с веток цветущих свисают
ленфильмовские операторы, и на этом фоне —
цветы и люди, цветы и люди, цветы и люди —
на крышах, оградах, в окнах, на каждом балконе

2

я помню своё тело (сроду не было бестелесней) —
я наградила себя с утра платьем красивым
а моё «я» растворяется в страшной той тишине,
в нечеловеческой тишине,
пред упоительным взрывом
каждой
победной
песни

и, за колонной блокадников, втихаря глотающих валидол,
утирая слёзы, едет медленно «Кинохроника»,
а за ней — «неотложка»
и рядом со мной ребёнок рубль ничейный нашёл,
и люди этому рады — кто громко, а кто немножко

идут блокадники — словно в бреду, во сне
(в том самом — невинном, сказочном, детском),
курсантики колесом выгибают груди
а что видится мне? что видится мне? —
цветы и люди, цветы и люди, цветы и люди —
на майском, вздыбленном счастьем Невском

3

...теперь ей семьдесят — да, «оказалась длинной» —
и я понимаю, что были люди постарше
погребальный марш, а не калину-малину
различали в слепом, не размышляющем марше

нынче, когда отчётливо проступили картины
выползающего из мясорубки человеческого фарша, —
я, забившись в бесшумный отсек планетарного ада,
утратив правый путь во тьме долины, —
притворюсь, что шопеновского не различаю марша,
что не вижу, как победу смела, аннигилировала блокада

КАЧЕСТВО СЛЁЗ

эту фразу офтальмолог произнёс —
при подборе линз так и сказал:
фрау, зоркие у вас глаза,
только качество не то у слёз

а сегодня я смотрю Большой Парад
слёзы, как и встарь, текут рекой
но состав их нынче не такой —
не такой, как сорок лет назад

в конце концов, это *мои* молитвы —
эти пули и стоны на поле битв
в конце концов, любой пейзаж после битвы
упокоен тенью олив

в конце концов, после ночей бессонных
наступает спасительный, чудный провал
в конце концов — забивает воронок проёмы
трава забвения, просто трава

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

«Ты, солдатик, зачем был на землю рождён?»
«Для того, чтоб пролиться кровавым дождём».

«Ты, крестьянин, при жизни был меньше нуля?»
«Но зато я, убитый, удобрил поля».

«А твоё назначенье, раввин-богослов?»
«Меня принял заполненный трупами ров».

«Ну а ты для чего, одиночка-поэт?»
«Чтобы этому миру отвечать: НЕТ».

идиотизм извилисто, но неизбежно ведёт к войне,
где убийца, он же убитый, платит всегда вдвойне —
ну, как в кафе — за тет-а-тет и себя: такова широта натуры
у беспримесных идиотов в зеркалах безрукой культуры

а потом школьники спорят по поводу воронов и ворон:
то, дескать, разные виды рода — и опосля похорон
более всех радуются поминкам брошенные собаки,
пожирающие блевоту на поле брани и драки

а потом наступает пикантный — кульминационный — момент:
в пять утра грохает в дверь неопохмелившийся мент
и элегантно ведёт тебя в бальную залу суда, а потом в тюрьму
а ведомый бормочет: бля, пуля сама... я не стрелял... почему...

БАРАНЫ

у них в избытке — небесная прана,
у них небосвод — всегда голубой
бараны — бараны — бараны — бараны
цепочкой бредут, бредут на убой

точнее, прутся стадами — герои,
не уяснившие школьных уроков
элои тупые, тупые элои —
уэллсовский корм для ушлых морлоков

барабаны гремят: небесная манна
сейчас сыпанёт — гульнём, голытьба!
бараны — бараны — бараны — бараны
казарменная баранья судьба

гремят, гремят, гремят барабаны,
скликают, скликают на кровопой
не жаль вас, ни капли не жаль вас, бараны! —
носящие смерть, как овчину, с собой

ПЬЕТА

говоря про погибших героев, поминают вначале их матерей,
раздавленных грузом медалей и похоронок
но кто может знать, каков ужас домашних дверей,
в какие уже НИКОГДА не войдёт твой ребёнок

восхваленья не стоят родимого волоска
чествующие, лучше не поминайте матерей, лучше не поминайте
фанфары беззвучны, бессмысленны — и бессловесна тоска
матери, не рожайте героев! вообще — не рожайте

ИНФАНТЕРИЯ

когда инфантерия строем шагает,
топорщится ставнями весь городишко,
и зырят, и от умиления тают —
и кумушки, и старики, и мальчишки

у каждого парня — заплечный мешок,
кисет табаку и мошонка семян!
и трезво он чует недолгий свой срок,
и кровью чужою заранее пьян

когда инфантерия строем шагает
и песнь строевую молотит вполсилы,
одна лишь дворняга отчаянно лает:
«дебилы, поленья, скоты, инфантилы!

куда вы идёте, безмозглое племя!»
но с кольями тут мужики выбегают...
солдатам — лить кровушку, слёзы и семя
а пса того насмерть в живот забивают

ПРИСОЕДИНЕНИЕ

(Бессарабия, 1940)

под копыта коней идиоты метали монеты,
а ступали те кони по красным, кровавым коврам
вот и грянуло сороковое змеиное лето,
и обрушило небо, и твердь исковеркало в хлам

поначалу народ удивился: исчезли вчистую продукты
а меж тем солдатня превратила аптеку в сортир,
и тащил фуражир на подводе и вина, и фрукты
а потом краснорожих пустили на чистку квартир

чудо-красноармейцы кота волокли за уздечку
и сожгли для чего-то нарядный старинный вокзал
а потом слово «очередь» вдруг поползло по местечку —
это первое слово, что батя мой в русском узнал

и свиней развели невозбранно в стенах синагоги —
так что смрад от навоза разъел этот горестный храм
так, наверно, хотели всемудрые новые боги!
но зачем этот скотский обычай всемудрым богам?

ГЕРОИ

геройство одних есть подлость других и безликость третьих
только крупная рыба влипает в дырявые сети
так что как раз не-герои — толпой, табунком или строем —
обеспечивают поле активности им, героям

только героев могу я любить, только героям
я доверяю мой мир — мой мир только так устроен
от безликих тянет блевать, от подонков такая скука,

но, Господи, обойдусь без героев, только не эта мука,
только не эти скопления скотов злокачественно неприметных
обойдусь без героев, — размажь, пожалуйста, бесхребетных

«ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ!»
(лозунг траурного марша)

герои не умирают — это в какой-то Валгалле:
там они живут вечно — ну, или достаточно долго...
то есть в раю, в Валгалле, но не на берегах «Волга-Волга»,
где их ненавидят, а потому они как раз умирали

и умирают — но не из-за противоборства и долга,
и вовсе не потому что «на всё воля Господня»,
а потому что «герои не умирают» —
это лозунг, который бессмысленно завывают,
это травоядная мантра без автора

и потому их, героев, — именно забывают,
как и всё, — забывают
если не прямо сегодня,
то завтра

СНАЙПЕР

снайпер свой кайф зашибает, поскольку не зрит
жертва его, зато он её — как в микроскопе,
и выбирает свой ракурс неспешно, как будто Брессон

но вот наконец он фиксирует мощный оптический винт,
как видеокамеру — в Ницце ли, в Конотопе —
и погружает статиста в непробуждаемый сон

снайпер сидит средь ветвей — райская пташечка Сирин
разве что вот не поёт, даже и дышит едва
но часики тикают, под жутким прицелом бессилён
даже и снайпер — всеильна только трава

РАНА ДО КОНЦА

я спасибо земле говорю — рукотворной, тишайшей,
где сучок у берёзки как будто бумагой одет —
мне так видится, да, — дорогой, папиросной, тончайшей...
сувенир из витрины голландских сигар и газет

а берёзы из юности — русская песнь мясорубки,
где в глухих медсанбатах, чьи роты разбиты во прах,
пацаны шутики шутят — и лесом торчат их обрубки
в свеже-белых — и чёрных от крови бинтах

вы когда-нибудь видели, как с неба падают люди?
именно падают — без катапульты, сами?
не падшие ангелы, пойманные на блюде, —
люди с распахнутыми глазами?

вы когда-нибудь видели, — чтоб то, что с неба летело,
было — не град, не перепёлки, не манные крупы, —
а то, что называют «фрагменты тела»?
вы когда-нибудь видели, как с неба сыплются трупы?

может быть, им на земле не хватило потопа, пули...
но смерти, в целом, хватило — каждому, даром
обломки мотора — и детский голос за кадром:
классно шамальнули

ну что, солдатики, поняли, братцы, где сено-солома?
боги войны избежали расплаты за то, что не дома
вы умираете, а в госпитале, перекроенном из горкома:
у того — прямое, у того — гангрена, у того — кома

ливень оправдывает мокрые стены палаты
боги войны у телевизоров старых дремлют
спите, ребята, деды не виноваты
в том, что отцы ваши телом засеяли землю
и что земля безучастна к рукоплесканиям грома

минёр ошибается — раз,
снайпер ошибается — два,
танкист ошибается — три
морская фигура, замри!

...это я и есть морская фигурка —
не по имени моему, по замыслу демиурга
онемела наотмашь, как мёртвая рота
остолбенела, как жена Лота

ПЕПЕЛ

снегопад сыроват и сер, а потом — светел
но ведь это не снег, а крупный горячий пепел
разве снег, настоящий снег — бывает горячим?
вот плюхнулся, непрогоревшим, помпон ребячий

десятки, сотни тонн пепла — не выдержат плечи
но прежде подломится напрочь мозг человеческий
я понимаю: остыли в концлагере печи
но почему валит и валит пепел, мех овечий?

я понимаю: тум балалайка, тум балалайка,
я понимаю: это большая работа, скрипочка уши режет
сжечь миллионы жизней — это трудозатраты; сыграй-ка
падает снег, падает снег, тумбе ля неже

МАКЕДОНСКИЙ

он оглядел руины в сотый раз
и поразился мощи разрушений
везде, куда ни простирался глаз,
зияла гибель поколений

но даже их застывший кровоток
не обладал той силою примера
как этот крошечный цветок,
что уцелел из-за размера

КЛЁН

две девочки в саду своём танцуют
ни от чего, лишь от избытка сил
там светотенью кружево рисует
клён, что их дед когда-то посадил

и видят девочки в том клёне — древо,
лишь древо — и не более того
да может, и не видят — просто слева
танцуют — или справа от него

а я, на клён тот глядя, вижу, вижу
его как подходящий камуфляж,
и пулемёт в бурьяне — ржавый, рыжий,
и партизанский небольшой блиндаж

а я, на клён тот глядя, слышу даже,
как рубят деревья в голодный год,
и вижу брёвна, из которых вяжут
какой-то подневольный хлипкий плот

а я, на клён тот глядя, зрю зайчиху,
что лыко заживо зимой дерёт,
и зрю охотника, который лихо
её кишки пускает в оборот

а я зрю виселицу, что пристроил
на клёне самозванный робингуд, —
и пленника, для коего час пробил,
и смердов, что толпятся жадно тут

и на позиции для контрастнопленя
залёг солдат с трофейным калашом
...а девочки танцуют в упоенье —
самозабвенно, полунагишом

но мне уж не войти в их мир стрекозий,
который зрю в окошке, как кино
лишь утираю слёзы, слёзы, слёзы —
то утешение, что зрителю дано

на чубчике речной волны
в камыш вошла её ладья
с известием, что нет войны —
таким простым, как «нет дождя», —
глаголет та, что зрит в окне
занудный, неизбывный дождь
но светится дитя во сне,
не слыша ложь

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

среди веток весенних, похожих на девичьи руки, —
те, что машут парням, уходящим колонной на фронт,
я писала эскиз у платформы «Великие Луки»,
собираясь потом на металле печатать офорт

и слышала шёпот глухой — словно бы дуновение смерти,
и вопрос был такой: почему не весна, но война?
ветер пошевелил мои волосы и карандаши на мольберте
и на всей на планете я оказалась одна

вы неправы, — шептала я, — напроць неправы, неправы
покажите мне точку земли, где бы кровь не лилась, как вода!
каждый город есть город убийств, то есть «воинской славы»
и я помню об этом всегда

ЗВЕРОЛОВ

топорище обрушивается, как слово
взялся за гуж, потому что дюж
в синих глазах зимнего зверолова —
тыщи загубленных душ

кастет в кулаке, красные рукавицы
за кушаком
рукой подать до всякой столицы
коль прямым

ИЗ ПИСЕМ СТАРИКА

в целом, так: когда в атаку первую
безоружный шёл студент в очках,
рядом с ним, просвечивая нервами,
его ангел тоненько кричал

мы не мнили командиров глупыми
полк загинул — кто же виноват
ну а что закидывали трупами —
это за нехваткою гранат

и женатики крутили с санитарками...
допдаёк контуженных солдат —
Машеньки с губами нежно-яркими...
и горел, как порох, медсанбат

и пехота пёрла перелесками
и пылала адом урожаи
почтальоны резали повестками
что же! бабы новых нарожают

а теперь мы не нужны и Боженьке
ночь темна — ни звёзд и ни луны
вроде бы, на месте руки-ноженьки
но погребло сердце у страны

БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

взвод за взводом, по брусчатке,
левой! левой! — маршируют...
белоснежные перчатки
чертят линию прямую

я хочу сказать: ребятки,
миль пардон, я докучаю:
белоснежные перчатки —
что на деле означают?

справедливость? или смелость?
доблесть, что собой гордится?
или — красная на белом —
кровь — красивее глядится?

хлещет кровь из информационной ленты
люди убиты — или убивают люди
собственно, это история данной планеты
другой не было и не будет

погиб сразу или погиб от ран,
изгнаны и убиты, изгнаны и убиты...
собственно, что такое Мировой океан?
это кровь: слезой обесцвечены эритроциты

1914

июньские дни предвоенного лета
веранда, сирень, на веранде — рояль
стареющей женщины кольца, браслеты...
в муаровых складках белеет печаль

она не по возрасту юно одета
трепещет романс про звенящую даль
и манит, и мучает взгляды кадета
её бирюзовая шаль

проходят в гостиную... чай? сигареты?
на волны залива чарующий вид
и нежно взирают красавиц портреты...
он будет под Гродно убит

«...а если надо в землю лечь,
так то не в первый раз» —
вот так свою толкает речь
лубянский метастаз

и посылает Вселенной угрозы
и говорит — по-народному, без затей
а матери — кладут розы, розы
на могилы детей

ТАМЕРЛАН

не слишком много снов приснилось мне в плену
безумный Баязет, что сдох в железной клетке,
возможно, так же шёл во снах на глубину
с надеждой вынырнуть сорокою на ветке

...

но сны его стерёг сам Тамерлан хромой,
железная чья власть прощенья не знала, —
возил врага с собой в повозке кочевой,
а клетка лязгала — и спать рабу мешала

он ушёл в добровольческие войска
были письма о тёплых носках, махорке
в Интернете дискуссия: депрессия или тоска
снег валил, словно мел на сиротский тёрке,

мёл и выл... но весной расцвёл малинник,
и было письмо: прости меня, я ухожу;
и ещё, от других: он подорвался на mine,
знал, на что шёл, защитил родные святыни...
у тебя — навсегда пустыри, у меня — пустырник
гибну, с ума по тебе схожу

ПОСЛЕ БОЯ

ко вторнику лица у всех мертвецов совсем почернели —
но не потому, что загнили, а просто покрылись щетиной
и вот штабной писарь уже накопал длинный-длинный
реестр погибших — и аж прикорнул где-то там в середине

но вскоре проснулся: шумели и сосны, и ели,
и птицы так пели, как будто бы не было боя
...на складе у Бога навалом — и бомб, и шрапнели
и Богу, в лежалой обойме, патроны давно надоели
кладите иконки — на гору из трупов, без аналоя

ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО

кровью быстро закрашивается трава,
но рассвет не вступает в права быстрее
дребезжит в Варшавском гетто трамвай
ведёт его старый безумный еврей

он закончил свой хедер и был кантонист
но не усвоилась главная в жизни наука
кружится чёрный осенний лист
над кудрявой головкой последнего внука

зря внучка научали, что зло некрасиво
Яхве бежал с европейских полей;
внук мёртв; седьмидесяти; закрыта ешива
для всякого, кто еврей

оттого что желтые звёзды на детских пальто
так крупны, пальтишки кажутся меньше звёзд...
в овраге затеряны — куклы, игрушки, лото —
среди голых тел в человеческий рост

почему — «несолоно хлебавши»,
если рот засохшей полон крови?
правда, бесконечный список павших
не сдвигает под очками брови
у «приятных дам»... не то, что горы —
с места... не сдвигает даже телеящик
с места — вот она, беда — беда, не горе...
но почто «не солоно хлебавши»? —
если спячка, случка, яйцекладка —
подлинный престиж «приятных дам»?
глянь-ка! — Неба синяя подкладка
резко вдруг отклеилась... а там...

МАНТРЫ ПУСТЫННИКА

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

историк наизусть помнит места убийств
историк наизусть помнит даты убийств

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

историк наизусть помнит количество воинов
историк наизусть помнит количество трупов

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

историк наизусть помнит имена полководцев
историк наизусть помнит имена героев

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

историк наизусть помнит стратегию убийств
историк наизусть помнит тактику убийств

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

историк наизусть помнит орудия убийств
историк наизусть помнит переговоры по поводу убийств

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

и попробуй-ка ошибись — в названии мести в датах убийства!
и попробуй-ка ошибись — в количестве воинов и трупов!

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

и попробуй-ка ошибись — в именах героев и полководцев!
и попробуй-ка ошибись — в стратегии и тактике убийств!

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

и попробуй-ка ошибись — в орудиях убийств!
и попробуй-ка ошибись — в переговорах по поводу убийств!

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

историк крикнет: вам надо срочно учить историю!
историк крикнет: вы не имеете права рассуждать об убийствах!

точный, точный предмет — история
точный — и крайне полезный!

тому — не подали соломинку к коктейлю,
и менеджера, со скандалом, звал клиент
а ей — супруг не угодил шанелью,
и позвала она бойфренда на обед

а недалёко — от того, от этой,
земля горела адом под ракетой,
шёл бой, взлетали крыши детсадов и школ,
и разворочен был живот шрапнелью,
и Бога мальчик звал, и Бог не шёл

ветераны войны упорно молчат
зато тираны всю громыхают в кимвалы,
зазывая маршировать в предсмертный отряд
все тех, кто не лёг на полях Валгаллы

а может быть, лучше уж те поля,
чем газетки с генсеком, в кривом сортире?
и разносят зёрна блокады майские тополя
снегом — седым, как мечты о мире

зачем ты, магистр, выверяешь топографии битв?
реестр полководцев? трупов и пленных цифири?
что ты этим изменишь — в мире моих молитв?
главное: что ты этим изменишь в подлунном мире?

сколь ни корпи, саддукей, над учётом трупов и пленных,
не редуцируешь этим ни ужас, ни веру, ни боль
ты не расколдуешь этим природу вселенных
даже мою тоску ты не умножишь на ноль

ПЕСНЯ ЛАНДСКНЕХТА

лучше пули, мины и всякое там тра-ля-ля,
чем в своём Красножопске, за драные три рубля,
копать бабке, как фраер, какой-то там огород

западлю поджидать когда же клиент уйдёт
в лучший мир, ибо водка палёная стынет,
да и мент свою пасть на хавиру первым разинет

ну а так-то, братаны, полнейший тип-топ, ништяк —
вон и пленный под пыткой, свивается, как червяк,
и косяк зелёных ныряет в карман регулярно,
и с ногами герлы на плечах поиграться шикарно

у себя — по-любому бы, рано и скучно сдох
в Красножопске не вырастает кладбищенский мох,
там олимпиздят на закусон даже кости

и своим пацаном там скоро будет считаться тот,
кто другого от голода или за деньги жрёт
а не с бодуна или злости

«не виноватый я! меня призвали!
я — мирный землекоп!
я думал — трали-вали, трали-вали,
а мне пророчат гроб

гроб — на войнушке?! странно... очень странно...
подумаешь, война...
чужая рана — разве это рана? —
игра без берегов и дна»

МАУТХАУЗЕН

Австрия, сладость конфетной коробки,
вся ты — коробка конфет
фантики, бантики, божьи коровки,
тучки, как девочки в белой обновке
чёрной среди них нет...

...концлагерный ад на поляне безбрежной
в шкафу, навечно, — скелет
рёбра, дублет уланской одежды...
погиб ты — с надеждою ли? без надежды?
Австрия, тебя нет!

австрийский ландшафт — масляный, жирный,
баварский ландшафт повторив,
являет лужок приторно-мирный
...ментик уланский, скелетик эфирный...
мир, ты полностью миф

заканчивайте войну!
что мне делать — волком выть на луну
или на солнце? с крыши разве что мне сигануть?
иль рыданием пропороть себе грудь —
и проклясть уже проклятую страну?

заканчивайте войну! я хочу вас любить,
не мешайте мне, братья, — ведь брата убить
у вас будет любая другая причина
я предпочту о ней не узнать,
как просит не слать похоронку мать,
проводя сына

я — одна из тех матерей; так что ж,
если любой случай для вас хорош,
сделайте просто брейк, перекур, передышку!
заканчивайте войну! закопайте поглубже нож,
а ты, вдова, не рожай девчонку (сирот не множь),
тем паче — мальчишку

лужи — в цвет гимнастёрок
трава — в цвет солдатского табака
стволы платанов — продолжение камуфляжа
плывут, не зная войны и разборок,
чистые девичьи облака...
чистые девичьи облака...
детские даже...

но в следующем кадре — беззвучно и наяву,
тот, кто звался братаном,
рухнет — кто в лужу, кто в эту чужую траву,
кто — под платаном

гражданские войны стоят посреди страны —
прочно стоят, на миллионах ног
и зыркает в зеркальце тусклый зрачок сатаны,
пестуя братьев, разбивших отчий порог,

вскармливая их молоком лаокооновых змей,
балую трупным нектаром бумажных цветов
гражданские войны стоят, как взводы гвоздей,
забитых в железо мозгов, замкнутых на засов

кому-то — светит белёная хатка,
вьётся дедова тропка в кружеве светотени...
кому-то — бессмысленна плащ-палатка
с дымящейся кровью под вопли вдовы-метели...

эти два мира, эти два мира, эти два мира —
не склеят ни слёзы, ни сперма, ни пот, ни нервы,
ни дипломаты, ни деньги, ни церковь, ни лира...
благодари Бога, пока ты в первом

ДОН

сначала на этом клочке коноводит цветок Иван-чай,
и пестует ветер головки лиловых соцветий,
и корни питаются лимфой — сарматов и скифов — дончан,
что степь растворила в колодце тысячелетий

но вот чьи-то ноги считают, что им повезёт,
и руки с винтовкой уж вторят движениям волн;
глядят амбразуры, как череп; курган превращается в дзот...
и снова — в могильный холм

ЛЕНИНГРАД. КУЗНЕЧНЫЙ РЫНОК

младенцу важно протиснуть плечи —
и сразу он выскользнет, словно рыбка...
к чёрту премудрости («время лечит») —
мы встретимся возле Кузнечного рынка

через пятнадцать лет... время калечит —
у тебя нет глаза и половины зубов
(как сказали подруги); так что под вечер
тебе трудно будет шептать про любовь

возле рынка — грязно, опасно, там
время пасётся фиксатым карманным воров
и сползают подвязки с сифилитических дам
на снег, под Владимирским жёлтым собором

и вот я вижу тебя... ты сидишь на доске
с колёсиками, в ручищах твоих — «утюжки»
глубокий шрам на щеке, на лбу, на виске,
нет левой ноги, нет правой ноги

война тебя сократила вдвое...
как обещали подруги, нет глаза, зубов...
и всё-таки вышел ты из запоя,
чтобы сказать мне слово «любовь»

и вот мы ползём в мою коммуналку,
и ты возле ног моих, вроде собачки
и октябрёнку и страшно, и жалко,
а ты материшься — не хочешь подачки

...да нет, ты пришёл — с шампанским, с цветами,
ты даже понравился брату и маме...
а те, что в снега вмерзали пластами,
остались в Валгалле — на Валааме

ЗНАТОК

не дай бог ночевать с ним в купе, где он важно откроет коньяк и начнёт тебе выдавать лихие зубодробительные коленца «русской души»; ты застынешь безмолвно, как дура или дурак, — ты не знаешь, сколько было убито на Ладого со стороны немцев

но он — назубок знает численность трупов, марки оружия, имена, условия содержания пленных, географию битв, их точные даты и, конечно, он обожает, рыгая, под пиво, плясаться на парады... но при этом не чувствует напрочь, что значит — война

а ты знаешь только одно, только одно, только одно: война — это мёртвые дети да бетонные серые плиты братских могил, и не требуется шапкозакидательское кино, чтобы знать: убивали, убили, убьют и буду убиты

в моей голове война. пью кофе с улыбчивыми людьми.
скалюсь им тоже. война в голове. мёртвые не видны.

в моей голове война. передайте, пожалуйста, кекс!
вам кофе покрепче? война. пылающий текст.

война, война, война в голове. вам нравится Роттердам?
война. количество трупов равняется пятистам.

иль пятистам миллионов. что ты молчишь? влюблена?
о да, влюблена. на дворе — трава. в голове — война.

ПЕТАРДЫ

небо, похожее на леопарда
домики, словно колода карт
рядом шипит перед взрывом петарда
мерзко и тошно от взрывов петард

гневно, и страшно, и горестно, ибо
всё не привыкну я: в праздник — палят...
вижу тела, что безмолвны, как рыбы,
и Валаам, и безногих солдат

Україна
УКРАЇНА

РЕВОЛЮЦИЯ

революция пахнет мазутом, бензином, спермой,
конским потом, кровью плаценты,
свиной мочой на разграбленных фермах,
где проститутки вкалывают за центы,
за ледяной кусок хлеба, обламывая об него зубы
прямо под тем, кто мгновенно на них засыпает,
а до того всхрипнет парочку раз, не грубо,
и те, кто под телом, ещё успевают
заметить, что иней клиента в щетине не тает

революция смердит шашлыком на элитной даче,
разит разлагающейся рукой возле сгоревшего БТРа,
в то время как тело, отброшенное в кусты, воняет иначе,
и трудно представить на танцах останки legionера

революция пахнет ангельскими цветами —
там, на площади, где единственный сын смотрит своей маме
прямо в глаза — с фотки в траурной раме,
и мама не слышит, как ей говорят: положьте цветочек, сами

МАЛЬЧИК

он капризничал, говорил «кака», не любил
противные на какао пенки,
любил бабулю, булочки, коту по имени Билл,
девочек, которые сами подбегали на переменке,

тот мальчик, который когда-то крошил бабушкины безе
на белые, в белых помпонах, коленки,
играл Малера, Чайковского и Мюссе,
с ним никто уже не играет — и он не играет:
он стоит у стенки,
у кирпичной полуразрушенной стенки,
и сейчас его расстреляют

Украина, ты сердце моё сжимаешь —
вот-вот брызнет кровавый сок
да что там — сердце
ты так терзаешь меня, пытаешь,
что камень бы потом кровавым, наверно, истёк

и вовсе не тот — бульжник подложный, фольклорный
(лукавый пастух — десница — овечий сыр),
но тяжкий могильный валун — громадный, соборный,
під яким хлопців своїх навіки ховаєш

им не видать уж ни мир в Украине —
ни мир

Они проезжали — потоками конского пота —
они просто пели свои украинские — эти, вот эти...
И мне наступила хана, и мои нерождённые дети
молили: убей нас — пока не запела вся рота!

Но грянула рота; и я взголосила: дружбаны,
шмальните меня прямо здесь, во днепровской купели!
Иль заживо кожу сдирайте на зверские на тарабаны!
Они проезжали. Они на меня не глядели.

Они просто пели, а рядом взрывались мины,
и мне — как-то очень по-бабьи — кивали ели...
Они проезжали. Они проезжали мимо.
Им не было дела до смыслов. Они просто пели.

НАЛОЖНИЦА

1

В твоих полтавских — то бишь татарских, турецких,
В твоих — не отмазывайся! — половецких палатах —
смарагдов, алмазов, серебра-злата — с верхом богато.
Наложниц — их в браму, они же — обратно в хату.
На что тебе эта, ещё одна?

«Мой пан ясновельможный! Гетман! Гони ты её поганой метлою!
Цю гидоту-хазарку с глазами, что адскою, глянь, смолою!
А не то я сама разъярюсь-раздухарюсь — я же её урою!», —
разошлася в подворье любимейшая жена.

2

Ты возлѣживал, ясновельможный пан, — и бровью лениво двигал...
Соображал ты с великой натугой, не сказать, чтобы мигом...
И твой чуб густой сполз на давно потухший чубук...

И не то чтобы чёрный рот дорогой, как нарыв, дружины
прибавлял бы тебе в волосья седины,
и не то, чтобы *женский ум* удивил бы вдруг...
Да и рот бабы приبلудной — не мог прибавить забот...
Когда баба красива — это не лишний рот.

Но рот хазарки хотел разделить с тобой твою рідну мову.
А ты, гетман, не верил ни единому её слову.

3

И ты гаркнул тогда: «Эй, казаки-нукеры!
Примите, орлы, целесообразные меры!
Эта жинка, Марина, — жидовской, наверное, веры —
только зря тут смущает народ!
Не боится она христианского Бога!»

... Вот Петро — с отяжкой, с отяжкой, — в две плётки её дерёт...
А хазарка лежит, как сука, возле порога —
возле порога твоей хаты...
Кровью похаркала — так, не сказати, щоб дуже багато.
И холера её не берёт.

4

Знайшла вона собі десь хустку і плахту,
несе незрозумілу тобі вахту:
навіщо їй коси? навіщо намисто?
навіщо їй чужа доля і чуже місто?

Пішла вона собі в городи щось сіяти, копати,
та пісні твої, гетьмане, краще твоєї дружини співати:
«Ой, та не лай мене, рідна моя мати!...»

А то пішла собі, з власної волі, до ближнього гаю —
співає, співає, співає, співає,
так красиво, що сама себе забуває,
і голосом сильним перебиває
будь-який пташиний грай:

*«В'ється, наче змійка,
Неспокійна річка,
Тулиться близенько
До підніжжя гір;
А на тому боці —
Там живе Марічка,
В хаті, що сховалась
У зелений бір».*

І полюбила її українська мова...
А ти, пане, даремно її не гукай!
Та жінка не скаже тобі жодного слова...
Чубчик — чи вус — на свій поц намотай!

разверни, разверни, словно Тору, степные дороги,
чтоб глаза позабыли навек душегубку обид
мы летим, будто вырвавшись из половецкой облоги
«зовсім ми заблудилися», — хрипло шофёр говорит...

не жалей, не жалей меня — эти белёные хаты,
как невесты, очами потупившись, аистов ждут
ну и что, если предков моих здесь убили когда-то
не жалей меня, слышишь, и новые дети придут

в час блаженства — не думай, не думай, а пользуйся благом
прорывает мне дамбу твой аутентичный простор
никогда не унижусь размеренным старческим шагом
«зараз ми розіб'ємося», — плачет счастливый шофёр

МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИЙ МОСТ, УКРАИНА

1

«верности ждёшь — не от жены-Пенелопы, но от паскуды-Кармен»
так — испокон веков, испокон веков, без видимых перемен
а белых пятен на райском плане мечтаний — полным-полно,
словно в Сахаре — сахарного песку — по грудь намело

но кто-то свистит мне из щели лабаза — «постой, постой»,
словно он, мой глухонемой герой, — такой же простой,
как все те, кто ждёт от него хоть словечка, — к примеру, я, —
любовный роман заменил немотой на роман без вранья

2

жить хочется набело, в белых штанах, в голубом шелку,
а вот же — пластаешься, слёзы в подушку, нос на боку,
валяешься гнойной падалью, лижешь зад незримого божества,
ответственного за «vivre pour vivre» и прочие волшебства...
и почему к этой самой «жэ» — не испытываешь родства?

3

да, ослица упёртая: верности ждёшь не от Пенелопы, но от Кармен,
то есть — от Дон Жуана,
коль гендер искомый поставить в цитату взамен,
гостинцев да ласки — от рыцаря (рыцаря-жмота),
от Гамлета — простодушия и решительных перемен,
бережливости — от Фёдора Д., картёжника-мота,
здравомыслия — ясное дело, от Дон Кихота,
мягкости и покоя — соответственно, от браунинга и маузера,
правды-матки — всенепременно от самого Мюнхгаузена,
спасающего себя за чуприну из чудо-болота,
где в золото обращается всякая детская позолота

4

но встаёт на дыбы межгалактический мост разводной, Украина,
из недр земли окалину сгинувших поколений взявшая в бой,
и сейсмическая станция не выходит на связь,

и даёт зрелищный сбой

арена — сметая клоунов, кровью захлёстывая сто сорок пятый ряд —
и горят —

даже те, что в воде не тонут, — горят, горят

и нету для пули ни эллина, ни караима

5

да: нету для пули ни эллина, ни караима,

потому что она не имеет права лететь вхолостую, мимо

и вот опрокинуты на-попа — магазины, лабазы, друкарни, дома,

перукарни, пекарни, ликарни и прочая хохлома,

и — вздыбленная Хиросима — скалится арматурой сучара-тюрьма

и я уже забываю собственное имя — и кто же я есть сама, —

когда он, наиглавнейший герой романа, от рождения глухонемой,

решает побыть напоследок с автором, то есть со мной,

и, вцепившись в кровавый кирпич, поросший ржавой травой,

роняет негромко, но внятно: Марина

в Украине пустуют поля, выгорает земля
бандюганы в соседстве оплакивают саудовского короля

дети в хатах и шахтах штудируют, как наварить динамит
и червоною рутой закат по-над миром горит

мне Рахиль не близка, не близка мне и епитрахиль
пусть леса лихорадит, пусть горы износятся в пыль,

но пусть ныне и присно не будет прощенья ножам —
если в мире живых расплзается море по швам

ДОНБАСС

Господи, заживи незаживающую рану Донбасса,
где кровью исходит, гноем исходит мясо,
полное боли и ужаса. Ждешь
хоть какой-то ремиссии,
международной (всех-сразу-спасущей) комиссии,
ловишь скачущую по гуглу-яндексу ложь,
как солдат ловит вошь

язва мозга и сердца, Донбасс,
гангрена, горловая сифилитическая язва!
Раскольников вопрошает: «Который час?»
бес — добесился до жёлтых седин маразма —
бес отвечает: «Седьмой»
бес подзуживает: «Сметь! Сметь!»
подзуживает, боже ты мой,
а ведь Дон — по-гречески Тан — это Смерть
...кровь и мясная крошка особо красны зимой —
кровь, а не русский квас

Господи, на что Тебе свечки подобооастрастья и лести?
гибель ходит, блядища, в камуфляжном плаще
мои друзья живут уже совсем в другом месте
или не живы вообще.

КРЫМ

далеко уже за полночь плачем, и плачем, и всё говорим,
озирая во тьме разорённый посёлок рыбацкий
ты за что испоганила, Клио, никем не разгаданный Крым —
нынче он и не киевский, и не кацапский, а просто вахлацкий

греки от нас отвернулись, ушли в амфитеатр теней
лишь собака бродячая глухо от голода лает
и рассвет над Киммерией нынче темней и темней
и Деметра лицо своё в ужасе закрывает

СИМЕИЗ

виноград и хурма, и сине-зелёный бриз,
и дымок на взгорье, и тень волны сизоватой —
Симеиз! — прозрачный, сказочный Симеиз!
хризопраза соперник, аквамарина собрат богатый

оливы в корзинах на доброй спине вола
солнце под стать золотому скифскому блюду
Симеиз! я змейка в костре, я в гостях у тебя не была
и уже, султан, вряд ли буду

УКРАИНСКИЙ ДЛЯ ПРОДВИНУТЫХ

...я на миномётный выстрел
отлетела от людей
той зимой в стране гористой
счёт теряла смутных дней

не спала, ждала, глотала
кофе, слёзы, крепкий чай
по гостиницам хватала,
как соломинку, вай-фай

и палала чорним шина
и мотала я на ус:
вбивця! куля! кров злочинна!
зрада! зброя! боягуз!

не были те звуки внове
мне — по правде уж сказать
але хочу на тій мові
дещо інше пригадать:

зірка... казка... весілля... криниця...
лисенятко... суниця... гарбуз...
хуртовина... квіти... паляниця...
гай... троянда... бузок... чорногуз...

ГОЛОДОМОР

миллионы в овраги пали,
сухой захлебнувшись травой
янычарский правитель Сталин
коньячком угощал конвой

янычары потомственно любят
орудовать саблей кривой
их железные алчные зубы
почернели от крови чужой

кровь хлобыщет — и вот лютый голод
в прозрачные всажен тела
янычарские серп да молот
раздербанили сердце села

я хочу — как в обратной съёмке —
чтобы пуля вошла в чёрный ствол,
чтоб ребёнок с пустой котомкой
вытер слёзы, домой пришёл

чтоб родные из праха воскресли,
чтоб исчез, будто призрак, погост,
чтобы пели застольную песню
дід і батько, что кляли колгосп

но, чтоб этот сказочный праздник
осветил панораму их лиц,
ты, земля, неминучею казнью,
гори под ногами убийц

...а потом наступают будни, и ты вспоминаешь, как
стоял против своры бандитов, одетых в шлемы,
как с друзьями кричал «по-зор!!», под пулями, на чердак,
нёс раненую девчонку, забыв все свои поэмы

про любовь и доблесть; как, задыхаясь, курил
возле вмиг побелевшего трупа и, как собака, плакал,
полз по мёрзлой стенке, вниз, не замечая перил,
а на площади брат возжигал чёрный траурный факел

шли колонны, колонны, скорбно печатая шаг...
вот и ты, как во сне, вместе со всеми шагаешь...
но потом наступают будни... и ты вспоминаешь, как
всё это было... и копейки на хлеб считаешь

ЭТО НЕ СОЛЯРИС

вот человек, который младше меня
в нём живы глаза и звуки моей земли
он говорит на моём языке —
и на своём, который куда музыкальней
да, в этом парне бродят тени моих казематов,
но это лишь тени, лишь тени теней
он не отравлен, не изувечен,
не носит клейма безвольно принятого уродства,
не знает спеси учёного импотента,
не разит дорогой парфюмерией, калом и кровью,
не обезличен в давящие тоски и позора
он — украинец

вот помещенье
оно старинно, красиво,
оно мне понятно,
мне в нём уютно,
оно мне родное
может быть, это Солярис,
что терзает меня Петербургом?
но это — не Петербург, не Петербург,
не Солярис

всё это — Киев.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫТКА В КОРДОВУ (Postal a Córdoba).....	5
--	---

ГРАЖДАНСКИЕ СУМЕРКИ

«я думала — ну вот, анорексия...».....	8
ГОРОД М.	9
ЦЕЗАРЬ	10
ГААГСКИЙ ТРИБУНАЛ	11
СТРАНА	12
«роль клеветника и вандала...»	13
ВОЖДЕЛЕНИЕ	14
«эта страна должна уйти...»	15
ЛУЧШИЙ ВИД.....	16
«когда полностью выключат свет...»	17
«царевич Дмитрий упал на нож...».....	18
«ядовитый смертельно и скользкий, как ртуть...»	19
ПОДЛИННАЯ ВЕСНА	20
ФОЛЬКЛОР-АПОКРИФ	21
КАМУФЛЯЖ НА ОБОЧИНЕ.....	22
БОРИСУ НЕМЦОВУ	23
1. «всё оттого, что сладились от веку...»	23
2. «и не за то, что он политик...».....	23
МАТЬ И ЦЕЗАРЬ	24

«МЕЖДУ СВЯТОСТЬЮ И СВИНСТВОМ»

МЯСОРУБКА	26
В ДУХЕ ФЕТА.....	27
«не надо умов из "Что? Где? Когда?"...»	28
«когда Россия свалит из России...».....	29
«там озон отравлен, там звери сходят с ума...»	30
«старухи, нищие старухи...»	31
«страна Скотиния простёрлась так широко...».....	32
ВОПРОСЫ К ТИРАНУ	33
«одним против совести — что против течения...».....	34
СОДОМ	35
КОЛОКОЛ.....	36

«люди на льдинах — их дальше, дальше относит...»	37
ПРЕЕМСТВО	38
LA VIE EN ROSE	39
ПЫЛЬ	40
«она пришла из холодной зимней гимназии...»	41
НАМЕСТНИК БОГА	42
ИЕЗУИТЫ	43
ОДИЧАНИЕ	44
«прошлое полыхает — огромной заброшенной свалкой...»	45
ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА	46
ФОРМУЛА ЖИЗНИ	47
«сожгла мосты... хоть я могу и вплавь...»	48
КОЛЫМА	49
ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА	50
«мой дед был портным, незлобливым и тихим...»	51
«их агония будет долгой, долгой...»	52
НЕРУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ	53
«населенье бока и пальтишки повытерло...»	54
«в свою же сеть попался, Озрик...»	55
«румяные обжорливые старички...»	56
ЦЕХ МАСТЕРОВ	57
«в этой больнице всем колют один и тот же укол...»	58

ПРЕДЧУВСТВИЕ ТАНКОВ

УЕЗЖАЙТЕ	60
ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА	61
ПРАЗДНИК	62
ОППОЗИЦИОНЕР	63
КРЫМ, 1919	64
«на руинах империи тускло горят фонари...»	65
ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА. УИКЕНД	66
«агония страны страшна...»	67
«уезжай — пока молод и пьян...»	68
«в концентрационном лагере...»	69
«эту станцию, с жутким названьем "Рахья"...»	70
ВАНГА	71
ПОКОЛЕНИЕ	72
ТЫ — ОТТУДА	73

«я должна — даже пусть в эмпиреях...»	74
ТУРИСТЫ.....	75
«край, где грач окликает грача...».....	76
НИЩИЕ	77
ОТКРОВЕНИЕ	78
«ноябрь, сезон демонстраций и алкоголя...»	79
ОТЦЫ И ДЕТИ.....	80
ПОЛКОВНИК.....	81
КУРЮ.....	82
РФ-ДВОРЯНЕ	83
«вручив бразды вора́м и деловарам...».....	84
СЕЛЕНИЕ	85
«будь я злым, ничтожным, презренным шутом...»	86
«ты, мелкий уродец, решил запрещать весну...»	87
КЕМЕРОВО	88
«не чту грозы в начале мая...».....	89
МАЛАЯ ПЕРЕМЕНКА: 60-е.....	90
ИНСЦЕНИРОВКА	91
БЫЛОЕ И ДУМЫ	92
ЗРЕЛИЩА.....	93
«ты был в партии, что устроила Голодомор...»	94
ANTE BELLUM	95
«Моя страна — гигантская могила...».....	97

ВОЙНА

SOLDATEN	98
ПРОРЕЗАНИЕ ГЛАЗОК.....	99
МАНТРЫ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА.....	100
ПОБЕДА	102
КАЧЕСТВО СЛЁЗ	104
«в конце концов, это <i>мои</i> молитвы...»	105
МИССИЯ ВЫПОЛНИМА	106
«идиотизм извилисто, но неизбежно ведёт к войне...».....	107
БАРАНЫ	108
ПЬЕТА.....	109
ИНФАНТЕРИЯ	110
ПРИСОЕДИНЕНИЕ (Бессарабия, 1940)	111
ГЕРОИ.....	112

«ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ!» (лозунг траурного марша).....	113
СНАЙПЕР.....	114
РАНА ДО КОНЦА	115
«вы когда-нибудь видели, как с неба падают люди?..».....	116
«ну что, солдатики, поняли, братцы, где сено-солома?..».....	117
«минёр ошибается — раз...»	118
ПЕПЕЛ	119
МАКЕДОНСКИЙ.....	120
КЛЁН.....	121
«на чубчике речной волны...»	123
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ	124
ЗВЕРОЛОВ.....	125
ИЗ ПИСЕМ СТАРИКА	126
БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ	127
«хлещет кровь из информационной ленты...».....	128
1914.....	129
«... а если надо в землю лечь...».....	130
ТАМЕРЛАН.....	131
«он ушёл в добровольческие войска...»	132
ПОСЛЕ БОЯ	133
ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО	134
«почему — "несолоно хлебавши"...»	135
МАНТРЫ ПУСТЫННИКА	136
«тому — не подали соломинку к коктейлю...».....	138
«ветераны войны упорно молчат...».....	139
«зачем ты, магистр, выверяешь топографии битв?...».....	140
ПЕСНЯ ЛАНДСКНЕХТА	141
«не виноватый я! меня призвали!..».....	142
МАУТХАУЗЕН	143
«заканчивайте войну!..»	144
«лужи — в цвет гимнастёрки...».....	145
«гражданские войны стоят посреди страны...».....	146
«кому-то — светит белёная хатка...»	147
ДОН	148
ЛЕНИНГРАД. КУЗНЕЧНЫЙ РЫНОК	149
ЗНАТОК.....	150
«в моей голове война. пью кофе с улыбочивыми людьми...» ..	151
ПЕТАРДЫ	152

УКРАИНА

РЕВОЛЮЦИЯ	154
МАЛЬЧИК.....	155
«Украина, ты сердце моё сжимаешь...»	156
«Они проезжали — потоками конского пота...»	157
НАЛОЖНИЦА.....	158
«разверни, разверни, словно Тору, степные дороги...».....	160
МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИЙ МОСТ, УКРАИНА	161
«в Украине пустуют поля, выгорает земля...»	163
ДОНБАСС	164
КРЫМ.....	165
СИМЕИЗ	166
УКРАИНСКИЙ ДЛЯ ПРОДВИНУТЫХ	167
ГОЛОДОМОР	168
«...а потом наступают будни, и ты вспоминаешь, как...»	169
ЭТО НЕ СОЛЯРИС	170

Літературно-художнє видання

Марина Палей

Моремний перестук

біль в п'яти частинах

громадянська лірика

2014 — 2018 рр.

(російською мовою)

Комп'ютерна верстка та дизайн — Н. Ю. Саліної
Підписано до друку 05.04.19 р. Формат 84х60/16
Папір офсет. Друк офсет. Наклад — 300 прим. Зам. №

Видано та надруковано ТОВ «ТО Ексклюзив»
м. Харків, 61153, а/с 7492

Свідоцтво про державну реєстрацію ДК № 347
від 28.02.2001 р.